

Поэзия

ПСЕВДОГОТИКА

Андрею Крючкову

Казалось, он пришел из мрака,
страж адских врат и нелюдим.
Он для нее был вроде мага,
толкалась рядышком ватага
чертей и фурий, пьяных в дым.
А в ней звучал отвратный гимн...
Как туалетная бумага,
она шуршала перед ним!

Он в людоедстве был сатир,
его снедала похоть казней.
Назвав святилищем сортир,
войну переиначив в мир,
он полагал, что жизнь прекрасней,
когда в ней каждый наг и сир.
Он всех кормил зловещей басней:
кто ангел света, тот вампир.

Он был не просто душегуб,
в нем дух клубился inferнальный,
и жертва превращалась в труп
под взвой парадно-бодрых труб,
чтоб не казалась смерть банальной.
В коварстве вовсе не был глуп
и создал культ свой эпохальный,
который возводился в куб

толпой, покаянно влюбленной
в него, как будто был он бог.
И с ним, как с новой иконой,

шагал к блаженству *people óный*,
ложась смиренно под каток.
Неумолимая, как рок,
предстала ложь.

Мир законный
стал отстраненнее морок.

Та ложь была усладой веры,
как соль земли, как ширь небес,
как запах бойни, мертвость серы,
и рядом с нею все химеры
вдруг получили смысла и вес.
В нее входили, словно в лес,
и пропадали там...

Сверх меры

возрос к неправде интерес.

Она ж на шабаше была,
как этикет велит, раздета.
Погибла там и поплыла
туда, где корчились тела
под серой тряпкою рассвета.

Стояло огненное лето,
и в голове пожары зла
метались, как обрывки бреда.

Август 2010

как груда битого стекла.
 Каким-то потаенным лазом
 ты, исхитрившись, заползла
 туда, где, не моргнувши глазом,
 зарежут спяну, не со зла,
 а ради выверта — *такого*,
 что трудно словом передать.
 Проньра! Курица! Корова!
 Куда ты лезешь, твою мать!

1 мая 2010

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

Моего первого учителя языка хинди
 звали Евпаторий Тихоныч
 Это редкое имя
 было ему дано в честь знаменитого
 курорта
 Тихон промышлял извозом
 никогда не бывал на юге
 но зато представлял будущее
 как прекрасный берег теплого моря
 с вечнозелеными пальмами и
 уходящими вдаль полями овса.

Называя своего сына Евпаторием
 он неосознанно верил в магию слова
 а также в идею прогресса
 Евпаторий уважал отца
 Еще ребенком приподнимался
 на цыпочках
 и заглядывал отцу в рот —
 понимающе и подобострастно.

Эта привычка быть выше себя
 стала его второй натурой
 определила жизнь.
 Вместо одноименного курорта
 Евпаторий попал на войну
 был контужен под Сталинградом
 до сих пор не пришел в себя
 слегка заикается
 и волнуясь
 отрывается на десять сантиметров
 от земли
 а выше не может — мешает осколок
 в бедре.

Евпаторий Тихоныч
 не затерялся в бурных тревогах
 и превратностях
 двадцатого века
 не канул
 во тьме и безгласии сталинской эры

не мирволил кому не надо
 не потакал
 не пособничал и не утверждал
 пагубных мыслей
 Понимал:
 всякому дню довлеет злоба его.
 Евпаторий Тихоныч
 страстно
 тянулся к знаниям
 поступил в языковой институт
 и там чуть было не пропал
 из-за пропасти мозголомной работы
 но вовремя остановился у самого
 края бездны:
 воспарил на десять сантиметров.

И в связи с этим удивительным даром
 был направлен на стажировку
 за три моря —
 в Индию
 к йогам.
 Там однажды Евпаторий Тихоныч
 по случаю тезоименитства посла СССР
 и визита Хрущева
 воспарил на полметра.
 Был замечен
 обласкан
 оформлен
 на заметную должность.

Будучи на видном посту
 Евпаторий Тихоныч
 не поступал с бухты-баракты
 не валил через пень колоду
 был осмотрителен
 и работающ
 Составил
 торгово-базарный русский-хинди
 словарь
 и разговорник
 для командировочных и туристов —
 незаменимый помощник
 в приобретении нужных вещей.
 Позднее этот словарь и разговорник
 зубрили несколько поколений студентов
 (и я в том числе)
 находя в нем не только оттенки смысла
 но и новые вещи.

За время работы в Индии
 Евпаторий Тихоныч
 приобрел необходимый лоск
 и солидность
 чтобы покупать алмазы из копеек
 царя Соломона в ЮАР.

Эти алмазы

а также сапфиры изумруды рубины
сегодня лежат
в манной крупе гречке рисе перловке
в различных жестяных банках
в кухне квартиры
на шестом этаже девятиэтажного дома
в Теплом Стане
в Москве
подальше от воровских
завистливых глаз.

В шестидесятые годы
Евпаторий Тихоныч
преподавал хинди
по своему разговорнику
В результате его педагогической деятельности
один из нас стал преподобным отцом
другой — непойманым вором
третий — диссидентом
Остальные
бежали от языка хинди
кто куда
До сих пор никого не нашли.

Во время застоя
и повального пьянства
Евпаторий Тихоныч научился
двигаться в приподнятом состоянии
над всякой поверхностью
включая водную
в любом направлении
И однажды
перейдя
таким образом
Москву-реку
оказался в цирке —
левитация входила в моду.

Вплоть до недавнего времени
Евпаторий Тихоныч
демонстрировал с ошеломляющим
успехом
аттракцион «Советский Иисус».

Евпаторий Тихоныч преумножил
свое состояние
и уже в наши дни
открыл кооперативную
юридическую контору
под странным циничным названием
«Везем-вывезем».

Надсмеялся над нами
но уважил
память отца.

1987

ПЕСЕНКА О Н. И. ГРЕЧЕ

Николай Иваныч Греч,
литератор подрукавный,
слог имел округло-плавный
и хотел добро сберечь.
Вот какой был благонравный
Николай Иваныч Греч.

О каком добре шла речь —
до сих пор вопрос коварный,
канул он в пыли ломбардной,
и ответа не извлечь.
В общем, был проныра явный
Николай Иваныч Греч.
Сколько мыслей бросил в печь,
пренебрег стезею славной,
чтобы жить идеей главной,
что детишек надо сечь.
Человек был ординарный
Николай Иваныч Греч.

Знал: игра не стоит свеч,
если есть костюм исправный,
а для всех порядок равный —
обоюдоострый меч.
Жил с размахом шикарной
Николай Иваныч Греч.
Голова слетала с плеч
всякой шушеры базарной.
Но в скандалец кулуарный
мог раскидчиво завлечь,
весь в наградах, светозарный,
Николай Иваныч Греч.
Не любитель тайных встреч,
он в шумихе ресторанной,
возглашая тост заздравный,
был готов в могилу лечь.

До чего же был забавный
Николай Иваныч Греч!

1979

ПРОГУЛКИ С ЗИНАИДОЙ ГИПШИУС

Полудева-полумальчик,
ты полсвета напяргла.
А в глазах твоих маячит
ночи бархатная мгла.
И в тебе, такой невзрачной,
вдруг столкнулось и сплелось:
тишина рутины дачной,
взрывы звезд и просто злость.
И, казавшись неприметной,

ты была как в ножнах меч.
 Натянув поводья ветра,
 загнала б до смерти смерч.
 Колобродила нередко,
 словно ведьма по лесам.
 И на ленточке лорнетка
 очень шла к твоим глазам.
 Вся в себе и в жестах резких,
 и в желаньях невпопад.
 Жизнь твоя как в арабесках
 дома вычурный фасад.

Январь 2002

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОМРАЧЕНИЙ СОЗНАНИЯ, ИЛИ ОБРЕТЕНИЕ ДУХОВНЫХ ОЧЕЙ

Меня к себе влекут цвета:
 зеленый, синий, красный...
 Их оглушила немота
 в тиши благообразной.
 Они затравлено молчат,
 как в рот воды набрали,
 и так похожи на волчат,
 что пленниками стали.
 Они глядят глаза в глаза, —
 я вижу их воочию.
 Как их опять вернуть в леса,
 в родную стаю волчью?
 Я знаю колдовской секрет
 и голос им открою:
 зайдет криком красный цвет,
 в лицо мне брызнув кровью.
 И я скажу и не совру,
 что, став бесстрастно черствым,
 на жизнь смотрю как на игру,
 занявшись чудотворством,
 а прежде был настолько глуп,
 что, зло в себе карая,
 поверил в гром небесных труб
 и в приобщенье к раю,
 поверил в то, что гнет тоски
 преодолею делом...
 Вдруг молчаливо, как пески,
 цвета сомкнутся в белом,
 а я, ослепнув на свету
 внезапно и надолго,
 в себе открою Пустоту
 как дивный образ Бога.

ПАРИЖ В АВГУСТЕ

Анне Бессоновой

Расплавленные негою тела
 среди листвы казались эфемерны.
 Блажная жизнь струилась и текла,
 изнемогала, угасая мерно.
 И начиналось все опять с азов:
 над ложем нашим нависает крыша,
 в мансарде дверь закрыта на засов,
 мы падаем в объятия Парижа.

Я говорил... О чем? — и сам не знал.
 А ты шептала, задыхаясь: «Где мы?!»
 Белесый город уходил в астрал,
 в себя впитав блаженный дух богемы.
 С ним уходил весь бедствующий люд,
 до дна испивший чашу Монпарнаса.
 Все те, кто там тогда нашел приют,
 сейчас уже исчезнувшая раса.
 И этот мир, что был суров и нищ,
 воспринимался легким и забавным.
 И овцы отделялись от козлищ,
 и тайное вдруг становилось явным.

Нагретый воздух прелостью пропах.
 В нем были тяжесть и утрюмость леса.
 И Эйфелева башня в кружевах
 взлетала вверх, преодолев железо.

МЕЗАЛЬЯНС

(И.А. Бунин и Г.Н. Кузнецова)

Ренэ Герра

Смотрелись вы как любящая пара,
 соединяя иногда собой
 шкварчанье красок местного базара,
 долины тихость, и морской прибой,
 и похотливый переквак лягушек,
 ночную перекличку соловьев,
 и стук глухой вином налитых кружек,
 и то, что не имеет вовсе слов.

Казалась ты заносчивой и шалой,
 знать не хотела, что грядет обвал.
 Дом на горе, с годами обветшалый,
 приняв тебя, тебя и ревновал.

Что есть любовь?

Что есть любовь до гроба?

По крайней мере, не страстей накал.

В пространстве дома дух гелиотропа
присутствовал

и ноздри щекотал.

А ты была общительна, вальяжна,
приманчива и чуткая на слух.

Твоя душа распевчиво и влажно
врывалась в шелестение старух.

Он шел с тобой по бездорожью леса,
то в стороне, то ближе, то рядом...

Причудница, распутница, принцесса,
ты станешь вскоре *Грасским дневником!**

---

* В *Грасском дневнике* Г.Н. Кузнецовой рассказывается о годах, проведенных рядом с писателем, нобелевским лауреатом, Иваном Бунинным (1870–1953).

АКВАРЕЛЬ ПО-СЫРОМУ

Анне Бессоновой

*И, смотря во мрак глубокий,
долго ждал я, одинокий,
Полный грез, что ведать смертным
не давалось до того.*

*Все безмолвно было снова,
тьма вокруг была сурова,
Раздалось одно лишь слово:
шепчут ангелы его.*

*Я шепнул: «Линор» —
и эхо повторило мне его,
Эхо, — больше ничего.*

*Эдгар По. «Ворон»
(Перевод В. Брюсова)*

Отражение ивы вешней
на воде реки неспешной,
извиваясь и змеясь,
застревает по течению,
и тогда из вязкой черни
возникает буквиц вязь.
Что за странное посланье?
Наважденье или тайна?
Автор кто? Кто адресат?
До чего ж течение плавное,
не хватает только фавна
и чарующих наяд.
Но поможет разве тайна,

что связала, как преданье,
жизнь и смерть и нас с тобой,
осознать, что стало с нами?
Одурманенные снами,
мы пошли другой тропой,
а не той, что в раннем детстве
с отчим домом по соседству
заводила нас туда,
где свистели паровозы,
у лица жужжали осы,
зазевался — и беда!

Содрогалось поднебесье,
и теряли тучи в весе —
дождь исторгся проливной.
Трепетала вся окрестность,
уходила в неизвестность,
покрываясь пеленой.
Эта оторопь земного
возвращалась часто снова,
до безумья доводя.
Все туманилось в загадках,
и таилась в темных кадках
масса плотного дождя.
Для меня любовь — загвоздка,
то легка и вдруг громоздка,
здесь она и вмиг — везде.
Дайте время — лопнут почки
и проступят, словно точки
на эмалевой воде.
Или капли дождевые ненароком,
как живые,
выскользают из-под туч?
Распадаются на брызги,
устрашает грохот близкий,
как обвал небесных круч.

Тишину с тончайшим слухом
оглушат долбящим звуком, —
содрогнется глухомань.
Испугаемся, и охнем,
и в объятиях обсохнем,
уходя, как все, — за грань!

Жизнь,
для нас ты — многоточье,
от насилья вечной ночи
защищает нагота.
Ты для всех спасенных — ниша,
чем ты выше, тем мы ниже,
ты страдаешь, как и та,
что стояла преклоненно,
зачарованно, без стопа
у подножия Креста.

Июль–август 2007

СМЕРТЬ ОДАЛИСКИ

(Живописный этюд)

Когда была ты в сумасшедшем доме,
в больничный парк я шел на randevu.
Там кони синие на запыленном фоне
жевали жадно красную траву.

Вниз головой ходили человеки
и падали в разверзнутые рвы.
А ты, уйдя на время от опеки,
плыла поверх некошеной травы.

Кружились стаяй нервные вороны,
и мглою наливались облака.
Деревьев растопыренные кроны
поглаживала мощная рука.
Садилось солнце, подсыхали лужи,
с небес бесстрастных кто-то дул в трубу.
Мертвец в могиле, озверев от стужи,
перевернулся с грохотом в гробу.

Вчерашний день перелетел, как птица,
в мгновенья эти и уткнулся в даль.
Напоминала шумная больница
кричащий страстью, чувственный сераль.

В себе смешав бессонницу гашиша
и опия дурманящий пригляд,
ночной гарем все становился тише
и погружался в сумеречный ад.

А ты плыла, сплетаясь жадно с дымом,
с налетным ветром и вечерней тьмой.
Следил я взглядом тихим, нелюдимым,
как возвращалась ты к себе домой.

ТАИЛАНД. 26 ФЕВРАЛЯ

Ты превратилась в смутный силуэт.
Сплошное солнце выжгло плоть до тлена.
Я выгляжу на все свои сто лет,
но старше ты — бессмертная Елена.

Ты первая среди других блудниц.
Твой древний род идет из Вавилона.
И среди тысяч промелькнувших лиц
ты вся сейчас — раскрывшееся лоно.

В нем дышит всласть светящаяся тьма,
космическая, влажная, парная,
невидимое облако роняя
на тех, кто сходит по тебе с ума.

О господи! Зачем мне бенефис?
Несть им числа — и молодым, и старым,
кто рухнул так же, головою вниз,
навстречу тьме и адовым кошмарам.

Кто над собою возвеличил страсть
и правду снова приравнял к извету.

Я падаю, но не могу упасть,
ведь я привязан к солнечному свету.

НОСТАЛЬГИЯ

З.С.

На дом этот тихий я был не в обиде,
в нем дни проводил, словно в ссылке Овидий.
А в памяти чуткой скользили как тени
бесстыдная страсть и любовь-наваждение.
И я вспоминал этой страсти начало:
как ты подо мной, словно чайка, кричала.
Надорванный крик, мною загнанный в песни,
потом возвращался подобно болезни.
И Рижское взморье с отглаженным пляжем
навечно осталось в сознании нашем.

Ты обруч крутила на талии тонкой,
старушка гуляла с облезлой болонкой.
Шипела жаровня, там жарили что-то,
и взхлеб хохотали два идиота.

Тогда-то впервые подумал о смерти,
о бездне надзвездной и хрупкости тверди,
о мире пустынном, бесплотном и странном,
сравнимом с густеющим утром туманом.
А дом выдвигался из дымки белесой,
и ты мне казалась бездомной принцессой.
В доме большом, несуразном и чинном
я часто сидел перед старым камином,
смотря, как огонь пробежал по поленьям...
И был благодарен счастливым мгновеньям.
Огонь, возбуждаясь, бледнел и терялся.
Тепло растекалось до самой террасы.
И я устремлялся за этим потоком,
опять возвращаясь к забытым истокам.

Но не было этого чуда в помине.
Горящие угли утихли в камине.
Превратились в золу, стали серою массой.
И вновь сквозняки завладели террасой.

ГРЕХОПАДЕНИЕ

Она играла в казино,
до раннего утра играла.
Я в том же зале пил вино
из темно-синего бокала.

Притвора, грешное дитя,
она играла неумело
и что-то втихомолку пела,
другой защиты не найдя.

Меж мрачных и ночных людей
она сквозила легким светом,
и я пошел за нею следом
на цыпочках, как лиходея.

Вся недовольство и порыв,
она с себя срывала платье,
и для нее был край кровати
покруче, чем речной обрыв.

А я заученно твердил
в каком-то скопческом задоре
слова, что пишут на заборе...

И сам себя в душе простил.

1997

ДЕПРЕССИЯ

А.И.

Вы мне опять безбожно ввали,
срезая с груши кожуру,
и ваши губы вдруг увяли,
как розы в летнюю жару.

Гул с островерхих колоколен
проплыл тревожно надо мной.
Мой дух, который слаб и болен,
теряя свет, сошелся с тьмой.

И я без истины и веры
меж небом и землей завис,
где тупорылые химеры
с тяжелых крыш сползают вниз.

Париж. Апрель 2001

ПОФИГИЗМ

Молода ты... Ну и что же?
У тебя тяжелый нрав.
От твоей исходит кожи
пряный запах темных трав.

Ночь в тебе, и ночь снаружи.
Вскрикнешь резко — и молчок.
Я скукожился от стужи,
сжался в детский кулачок.

И бродя по буеракам,
взяв в охапку стынь и мрак,
поделюсь с тобою благом
быть никем и жить никак.

Париж. Май 2005

БЕЗУМИЕ

Я, потерявший чувство бытия
по прихоти капризного уродца,
наверно, впрямь порожняя бадья,
висящая под воротом колодца.

Цепь загремит, как среди неба гром,
срываясь вниз — туда, где ночь сырая.
Я заскольжу, дрожа и замирая,
по вертикали и, столкнувшись с дном,
почувствую, как дышит зазеркалье,
как от него исходит холодок...
И тут же звездный и чужой поток
меня затянет в потайные дали.

Там — низость человеческой орды,
среди которой совесть одиночек
как рябь на глади дремлющей воды,
как зыбь песков, — тут виден Божий
почерк!

Но эта пестрядь знаков не к тому,
чтоб устрашать масштабами иного,
а для того, чтобы, войдя во тьму,
найти в ней отзвук бытия земного.

2000

**ПЛАЧ ПО РОССИИ РОТМИСТРА
ФОСТИКОВА
ИЗ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА
В ОТРЯДЕ ГЕНЕРАЛА А.Г. ШКУРО**

Светлане Прожогиной

Что нам клясться Родине в верности до гроба,
будем с нею вместе, и сойдя во гроб.
Намело нас, русских, целые сугробы,
а растаем, боже мой! — вызовем потоп.

Воздух позабытый хвойного покрова
полоснет по сердцу лезвием ножа.
Стоит ли изгоям возвращаться снова
в годы окаянные, что разъела ржа?!

По каморкам памяти все, что сокровенно,
прячем и спасаем от напора зла.
Нас судьба неверная, ошалев, наверно,
за грехи имперские в жертву принесла.

Каждый ошельмован, выжат и изжеван...
Остается разве что напоследок нам
припадать с надеждой к образам и женам,
маяться тоскою по своим корням.
Кровью мы повязаны, как веревкой крепкой.
Но конец увидим, как бы ни вилась.
Время лечит раны и, занявшись лепкой,
перелепит в будущем самозванцев власть.

Париж. 2009

**ФАНТОМНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ КАРТИНЫ
«ПОСЛЕ ЛАНЧА» (1873) КЛОДА МОНЕ.
МУЗЕЙ ОРСЭ, ПАРИЖ**

Ренэ Герра

Забывтое дитя на крошечной лужайке,
еще он слишком мал, ему не осознать,
что много лет спустя,
главарь преступной шайки,
он раззадорит чернь,
чтоб изничтожить знать.

Взопревший день скользит по облакам
к закату,
и тянет от реки приятным холодком.
Гостей сегодня тьма. Смеются до упаду,
и мать с отцом сидят, как принято, рядом.

В такой семье ничто не предвещает бури.
Вот слышны чья-то речь и хлопанье ладош.
И кругом голова... От одури до дури
идти так далеко, что трезвым не дойдешь.

Зашелся криком он, взыскующий вниманья,
но не услышат плач сквозь гомон голосов.
За здоровье царя, рисуясь и шаманя,
поднимет кто-то тост из полустертых слов.

Как все же жарок день!

А он как будто брошен,
не до него сейчас. Полно других забот.
И будет плач его во много раз помножен
на ужас тех людей, которых он убьет.

И, наконец, затих... Чего добьешься криком?
Уж если он забыт — так, значит, поделом.
В могуществе своем, почти равновеликом,
добро и зло в него входили, словно в дом.

Еще он здрав умом и не сошел с катушек.
Уселся на траве у самого стола
и строит что-то там из деревянных чушек,
то ль с колоннадой храм, то ль бастионы зла.

СТИХИ О ПОЛЫНЬ-ТРАВЕ

Есть друзья и есть застолье.
Есть никчемные слова.
Разметалась в диком поле
горькая полынь-трава.
И в часы душевной смуты
в ожиданье новых благ
все тревожит неотступно терпкий
привкус на губах.

Что за бабушкины сказки?!
Что за глупость и надлом?!
Разделив питье по-братски,
восседаем за столом.
От бесплодных наших споров
закружится голова.
На невиданных просторах
поднялась полынь-трава.

В нашем бдительном народе
(как душою ни криви!)
все ее считают вроде объяснением
в нелюбви.
Посреди всего веселья, посреди
шумихи всей

я оглядываюсь — все ли, все ли целы
из друзей?

За окном, взвиваясь в злобе, ветер
носится вдали
и зеленое надгробье пригибает до земли.
Где-то там меж тьмой и светом
возникает долгий вой,
словно стелется под ветром
чей-то голос неживой,
чей-то хрип, почти угасший,
но тревожащий покой,
то ли дружий, то ли вражий,
то ли вовсе никакой:
«До тебя нам нету дела, здесь все
заняты места,
оставайся вне предела
как непомнящий родства!»

Что случилось? Я не знаю.
Но у самого стола
суматоха озорная,
словно в чувство привела.
Рассуждать в подобном роде мне,
скажу вам, не с руки:
кровь беснуется в аорте,
крутит красные круги.

1965

КУКЛЫ

Стелле Гайле

На улице Авоту, в Риге,
я жил в зачарованном доме.
В нем слышались всхлипы и вскрики,
а я находился, как в коме
среди разнаряженных кукол,
стоявших с потеряннм видом.
Там кто-то призывно мяукал,
а кто-то, поддавшись обидам,
забился, расплакавшись, в угол.
Но были стоявшие в нишах,
водившие дружбу с амуром,
бывавшие прежде в Парижах,
носившие платье с турнюром.
То были гламурные девы
с прическами в стиле барокко,
в искусстве своем королевы,
исчадье страстей и порока.
Вращали глазами пустыми
и тут же по-девичьи робко
чихали, как будто простыли,
в платки из индийского хлопка.

Рига, 19 декабря 2010